

**Александр
Коломийцев**
с. Зональное,
Алтайский край

МИЛЕТЯНИН В АФИНАХ

Исторический роман

(Продолжение. Начало в № 10)

– 2 –

Боги ветров, словно сговорившись, позволили милетянам без помех восславить Аполлона Дидимского. На следующий же день Борей и Евр устроили состязание. Едва стихал северный ветер, гнавший потоки студёного воздуха, налетал восточный, гнул деревья, дико хохотал. Море кипело, словно гигантский котёл. Волны вздымались, обрушивались на берег, борей срывал гребни, швырял колючие брызги на городские стены, скалы, прибрежный песок. Полнотелые галеры, взобравшись осенью на деревянные козлы, боязливо поглядывали на беснующееся море.

Анаксимандр приходил в порт, подолгу смотрел на беспокойные воды, вступал в обстоятельные разговоры с мореходами, те качали головами.

Из-за бесконечных войн, развязанных Дарием и продолженных его самонадеянным сыном Ксерксом, азийские красавицы обходились без розового масла. Истлели кости Дария, и Ксеркс со своими несбыточными фантазиями переселился в царство, где потуги на мировое владычество выглядят мальчишскими кривляньями. Персидская держава, укрощённая победоносными эллинами, огрызаясь, втягивала щупальца, но не отправлялись из Милета в глубь материка купеческие караваны, Гермес избрал иные пути. Тем не менее Анаксимандр не мог пожаловаться на судьбу. В общем-то, дела его шли не так уж плохо, правда, и до процветания было далеко, одним словом, дела шли ни шатко ни валко. Как без извести невозможно построить дом, возвести храм, так и без розового масла невозможно создать тонкий аромат благовоний. После разгрома персов эллинские города отстраивались и богатели. Жёны, дочери, любовницы состоятельных граждан изощрялись в капризах, требовали от своих мужчин узорчатых тканей, расписной и серебряной посуды, золотых украшений и, конечно же, румян и благовоний. Война ушла с земли Эллады, на смену десятилетия лишений пришёл блистательный век. Боязливые девочки, вместе с перепуганными матерями прятавшиеся, спасавшиеся бегством от полудиких варваров, превратились в роскошных женщин. И от Пантикапея до Сиракуз и Навкратиса роскошные женщины желали блистать. Товар Анаксимандра имел повышенный спрос.

Товар свой Анаксимандр сбывал и пантикапейским, и афинским купцам, ходил в море и сам, но недалеко, в Галикарнас и Эфес. Чудовищный кошмар, пережитый в раннем детстве, что-то надломил в ещё не сложившемся, неокрепшем душевном складе ребёнка. Ничто не проходит бесследно. Уже будучи взрослым человеком, став преуспевающим купцом, Анаксимандр ощущал как хрупок и незащищён мир, в котором он жил. Бывая в отлучке, ощущал постоянное беспокойство, усиливающееся с каждым днём и приводящее в нервное состояние – уехал из цветущего, благоденствующего дома, а вернётся на пепелище, к растерзанным телам близких. Персы дав-

но подписали Кимонов мир и отказались от притязаний на малоазийские эллинские города, но алчные захватчики соблюдают договоры, лишь пока не имеют сил их нарушить. Страхами своими Анаксимандр ни с кем не делился, он и для себя-то не выражал их словами, лишь ощущал. Друзья, не ведая истинной причины склонности Анаксимандра к домоседству, добродушно прозвали его лежебокой. Морские дали, между тем, манили, и весной Анаксимандр мучался раздвоенностью. Время шло, господство персов и на суше, и на море съёживалось, зашевелился Египет, царям стало не до малоазийского побережья. Зов странствий победил страхи. У него, семейного и положительного мужчины, была мечта, и мечта с каждым восходом Плеяд звучала в душе всё призывней и неукротимей. Подобно тому, как в жаркой безводной пустыне прохладный оазис манит к себе измождённого путника, Анаксимандра, сына Исолоха, призывали обильные Афины. Там, в столице могущественного Делосского союза, средоточии военно-морской силы, торговли, искусств, кипела жизнь, задавая тон союзникам. Туда стекались торговые люди со всей Эллады и Ойкумены, да и сами афинские жители потребляли всё более и более товаров. Пользуясь возрастающим спросом, за свой товар на афинском рынке можно получить настоящую цену. Но не только барыши призывали милетского купца отправиться в путь.

Деньги не являлись для Анаксимандра всепоглощающей самоцелью, ради достижения которой скупец не замечает радостей жизни, истощает силы и чахнет над сундуками с драхмами и минами. Без употребления деньги, что морской песок, ни светят, ни греют. Семья, как могла, помогала тратить доходы, впрочем, такое положение вещей сам купец находил вполне естественным. И жена Клеобулина знала толк в нарядах и украшениях, в дочери, благоуханном цветочке, малышке Мирсине, сам души не чаял. И на учение сыновей, Ферамена и Ликамба, денег купец не жалел. Да и сам радости жизни вкушал во всём их многообразии, ибо относился Анаксимандр, сын Исолоха, к славному племени жизнелюбов, а среди друзей и знакомых слыл хлебосольным хо-

зяином. Стены его комнаты украшали полки с многочисленными папирусами, друзья восторгались щедростью обедов и увеселениями симпозиумов. Особое увлечение составляли беседы с милетским мудрецом Левкиппом. Дополнением к философским беседам являлись вечера прелестнейшей Клеи, кои Анаксимандр старался не пропустить. Только обольстительная Клея могла так исполнить напевы Анакреонта, Ивика, Сапфо. Самые именитые граждане, не исключая погружённых в государственные дела архонтов и мудрого Левкиппа, не чурались посещать дом у Южного рынка, где жила гетера, и вести здесь учёные и литературные беседы. Возможно, в этом доме, пристанище муз, досужих разговоров, во время лёгких бесед обо всём и вся, подготавливалась почва для государственных решений. Милетский мудрец не только познавал мир, но и размышлял о жизни соплеменников, государственном устройстве и делах. Причём в делах почтенным гражданам, за спиной которых теснились тени предков, чередой скрывающихся в стародавних временах, Левкипп отводил отнюдь не главенствующее место. Всякий милетянин, в душе которого благоговейный трепет перед служителями богов и родовитыми старейшинами сменился духом вольности, дорожил суждениями Левкиппа.

Самые обольстительные милетские плясуньи услаждали мужской взор в доме Клеи. Полупрозрачные накидки мимолётно открывали то очаровательную грудь, то пленительный изгиб бедра. Резвухи не стояли на месте, игривыми движениями приводя гостей в восторг. После таких вечеров милая Клеобулина по полночи сладостно стонала в жарких объятьях мужа.

Жизнь, насыщенная радостями бытия, требовала денег. И папирусы, средоточие благозвучных строк и дерзновенных, неуёмных мыслей, стоили недёшево, и девы, танцами доводившие кровь до кипения, плясали не только за спасибо. Поэтому, хотя розовое масло пользовалось спросом, и торговля шла широко, особо крупных накоплений у Анаксимандра не водилось.

Закупить на все имеющиеся деньги розовое масло, даже взять в долг, продать

в Афинах, и на вырученные средства набрать краснофигурные, чернолаковые амфоры, серебряные гидрии, коринфскую бронзу, оливковое масло. В Афинах много товаров, отсутствующих здесь, в Ионии, и потому сулящих выгоду. Плавание представлялось выгодным предприятием, так мнилось Анаксимандру. Не давала покоя мысль, что он уже достиг зенита жизни, не за горами старость, а до сих пор не видел Афин, не пришлось бы потом сожалеть об упущенном времени.

Прибыль, которую Анаксимандр предполагал получить, являлась внешней, материальной причиной плавания в Афины. Причиной, которую он мог поведать друзьям, но существовала ещё и внутренняя, нематериальная, о которой ему, солидному купцу, говорить представлялось не совсем ловко.

Приближался один из основных аттических праздников – Великие Дионисии, во время которых всякий образованный эллин стремился попасть в театр Диониса, расположенный на склоне афинского Акрополя. Кроме знаменитого Эсхила, в афинском театре объявился новый талантливый поэт – Софокл. Строфы софокловских трагедий пересекли Эгейское море и достигли ионийских берегов. Анаксимандр страстно хотел увидеть постановку трагедий, это и было второй, если не главной, целью плавания. Сроки уходили, и он не мог ждать, когда буйные ветры окончательно уймутся и плавание станет вполне безопасным.

Близился к концу анфестерион. Небо очистилось от хмари, море успокоилось, ночью среди ярких звёзд заблестали шестеро Плеяд, и даже седьмая – скромница Меропа – стыдливо открывалась зоркому взгляду. В гавани запылали костры, пронзительно запахло странствиями – кипящей

смолой. Анаксимандр ударил по рукам сошкипером Каллисфеном.

С утра в кухне запылал очаг и не гасился весь день. Повару помогали все женщины. Жарилась свинина, рыба, дрозды, готовилось печенье, томились соусы. Анаксимандр ценил Повара, никогда не наказывал палкой, лишь иной раз давал тумака. Своему искусству тот обучился в доме персидского вельможи, и вот уже пятнадцать лет являлся собственностью милетского купца. Хозяин даже давал его в услужение друзьям, когда те затевали званый обед. Правда, эллины не персы, и похвастаться всеми особенностями своего искусства Повару доводилось нечасто. Анаксимандр был человеком добродушным, не любил хмурых, угрюмых лиц, косых взглядов, поэтому выпадали благословенные деньки, когда домашние рабы не получали ни одного тумака. Не наказывать человеконогой – значит портить. Но колотить палкой, раздавать зуботычины за малейшие промахи, тоже ни к чему. Человеконогой привыкнут к битью, как безгласные волю, и перестанут реагировать на наказание. Другое дело, допустим, носильщики. Те, если вовремя не потчевать посохом, могли заснуть на ходу. Так рассуждал Анаксимандр. А вот юного Алана, шутки ради, даже выучил грамоте. Правда, пока не овладел беглым внятным чтением, мальчишке пришлось немало слёз пролить, да и сам учитель порядком измаялся. Зато теперь, нежась в свободное время послеполуденным отдыхом в саду, Анаксимандр мог услаждать слух декламацией стихов и трагедий. Алан же за старание иной раз получал с хозяйского стола недоеденный пирог, печенье или горсть инжира.

Вечером Анаксимандр прощался с друзьями, ночью с супругой. Утро застало его на галере шкипера Каллисфена.

(Продолжение следует)

Кинги автора можно приобрести
в интернет-магазине «Планета книг»
www.planeta-knig.ru

